

УДК 338.48

П.С. Ширинкин
КОНЦЕПЦИЯ ОБРАЗНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РЕЛЬЕФА
(НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Пермский государственный институт культуры, г. Пермь

Статья посвящена обзору концептуального направления культурной географии в рамках социально-экономической географии. Рассматривается, как идеи культурной и гуманитарной географии могут использоваться в социокультурном проектировании, географии и туристике. Интерес и привлекательность вызывают символические ресурсы, которые продуцируют у потенциальных потребителей образно-смысловые конструкции, в итоге порождающие туристский мотив. Восприятие реалий географического пространства оказывается весьма специфическим, субъективным и индивидуальным. Можно констатировать целую систему образов от «контакта» с географическим пространством и внешней средой в целом: психологических, социальных, культурных, этнических и пр. Эти когнитивные конструкции помогают современному человеку осмыслить собственное положение в географическом пространстве. Особое место здесь занимают мифы и легенды конкретной территории или места. Совокупность пространственных образов, характерных для территории, можно представить и изобразить с использованием послойной окраски, подобно физико-географическому рельефу. В итоге обуславливается концепция образно-географического «рельефа», в котором центры концентрации запоминающихся образов, рождающих туристские мотивы, выступают в качестве когнитивных «вершин» и «хребтов». Территории, имеющие ограниченное количество образов и мифологических конструкций, выступают в качестве «равнин» и «низменностей». Туристские маршруты, соединяющие когнитивные туристско-рекреационные центры, выступают в качестве так называемых «когнитивных коридоров», которые на практике могут использоваться для развития эффективной инфраструктуры туризма в территориях.

Ключевые слова: туристские мотивы, образно-географическая карта, метасистемы образов, понятие о «тоннельных образах», «когнитивные коридоры», карта образно-географического рельефа Пермского края.

P.S. Shirinkin
THE CONCEPT OF IMAGERY AND GEOGRAPHICAL RELIEF
(A CASE STUDY OF PERM KRAI)

Perm State Institute of Culture, Perm

The paper considers the conceptual directions of cultural geography within human geography. It explores how ideas of cultural and humanitarian geography can be used in socio-cultural designing, geography and tourism studies. Interest and attractiveness evoke symbolic resources that produce imagery and semantic constructions in potential consumers, eventually generating tourist motives. Perception of the geographical space realities turns out to be very specific, subjective and individual. There is a whole system of images arising from the «contact» with the geographical space and the external environment, i.e. psychological, social, cultural, ethnic ones, etc. These cognitive structures help a man to comprehend his own position in the geographical space. Myths and legends of particular territories are of special interest. A set of spatial patterns specific for the territory can be imagined and depicted with the use of layered coloring, like in case of physical and geographical terrain. The result is the concept of imagery and geographic «terrain», in which concentrations of memorable images, giving birth to tourist motives, act as cognitive «peaks» and «ridges». Areas that have a limited number of images and mythological structures act as «plains» and «lowlands». Tourist routes linking cognitive tourism and recreation centers, acting as so-called «cognitive corridors», can be used in practice for the development of an effective tourism infrastructure in the territories.

К e y w o r d s : tourist motives, imagery and geographic map, metasystems of images, concept of «tunnel images», «cognitive corridors», imagery and geographical relief map of the Perm region.

doi 10.17072/2079-7877-2016-4-13-20

М.С. Уваров считает, что «культурная география исторически возникла в качестве особого направления в рамках социально-экономической географии» [4, с.1]. В отечественной традиции существует ряд фундаментальных исследований (Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, Р.О. Якобсон, Д.С. Лихачев, С.С. Аверинцев, М.М. Бахтин, А.Я. Гуревич, М.С. Каган и др.), выполненных в семиотическом и историко-культурном ключах. Эти работы никогда не относились исключительно к направлению культурной географии, хотя в них идеи данного направления содержатся имплицитно. Вместе с тем существует особое направление в культурно-географической мысли, последователи которого непосредственно развивают идеи культурной и гуманитарной географии: Ю.А. Веденин, Р.Ф. Туровский, В.Н. Калущков, Б.Б. Родоман, В.Л. Каганский, А.Г. Дружинин, Д.Н. Замятин, В.П. Максаковский, О.А. Лавренова, М.В. Рагулина, И.И. Митин и др. В настоящее время существует необходимость комплексного изучения идей культурной географии в философско-культурологическом ключе.

В региональном (пермском и прикамском) аспектах к направлению культурной географии пространственных образов можно отнести работы В.В. Абашева, А.В. Иванова, А.И. Зырянова, С.И. Ваксмана, А.В. Фирсовой, а также в определенном контексте и С.А. Торопова, Ю.К. Николаева, Б.А. Эренбурга, Е.Г. Трегубовой, О.В. Лысенко и многих др. Среди ученых, создававших интерпретацию культурных образов исторического прошлого Прикамья, сделавших его доступным для самых широких слоев населения, можно отметить Г.Н. Чагина, В.А. Оборина, А.М. Белавина, А.В. Черных и др.

Предполагается, что одним из ведущих туристских мотивов, способствующих принятию туристского решения, является некий образ или система образов, умноженных на комплекс смысловых конструкций, которые потенциальный турист, с учетом уровня образования, возраста, социального положения, получил в процессе учебы, контактов с информационной средой, из книг, телевидения, радио, интернета и т.д. В итоге у него формируется некоторое представление о территории (месте, центре) предстоящего посещения, при этом с реалиями географического пространства, историко-культурными и природными ресурсами туризма оно может не иметь ничего общего! Опросы самых разных возрастных групп туристов, как жителей, так и гостей Прикамья, подтвердили эту гипотезу. На вопрос «Какие образы вам представляются при слове «Египет»?» приходилось слышать постоянные ответы: «Фараоны, Нил, пирамиды, мумии». При слове «Париж» – «Эйфелева башня, Елисейские поля, Лувр, Наполеон». На вопрос, что, по-вашему, Пермь и Пермский край, приходилось слышать: «Реальные пацаны», «Боинг», «Хромая лошадь», «Бешеный автобус», шахтный провал, музей «Пермь-36», фестиваль «Белые ночи». Вероятно, это не совсем верный, не достаточно позитивный и требующий корректировки смысловой ряд географических и познавательных образов. Примечательно, что принципиальной разницы в образном восприятии г. Перми и Пермского края между жителями и гостями не выявлено. На вопрос о географии места посадки корабля «Восход-2» с космонавтами Леоновым и Беляевым, заданный пермякам старше 30 лет, была получена широкая география ответов, в том числе район улицы Шоссе Космонавтов. Причина – это не только проблемы образования, но и способ человеческого мышления. Для ответа в первую очередь обычно привлекается информация, близкая по смысловому содержанию.

Таким образом, между восприятием реального географического пространства и представлением о нем есть некоторая разница с когнитивным интервалом в зависимости от конкретного индивидуума. Основой для выводов послужило анкетирование туристов, проводимое на протяжении нескольких лет. В самом начале туристско-экскурсионной поездки им предлагалось отметить туристские ресурсы, исторические факты, события, известные личности, которых они бы связали с предстоящим посещением какого-либо туристского центра, объекта или муниципалитета Пермского края.

В настоящее время в Прикамье можно констатировать целую систему пространственных образов в самых различных аспектах восприятия: психологических, социальных, культурных, этнических и, безусловно, географических. И, главное, речь не идет только об осмыслении окружающего пространства специалистами – все это метасистема, воспринимаемая обычными людьми – жителями Прикамья и его гостями. «Культура, для того, чтобы осмыслить собственное пространство, а также пространства других культур, должна выработать механизмы образной интериоризации пространства. В ходе такого когнитивного процесса происходит своего рода «внеположение» пространства как бы за пределы самой культуры, глазами наблюдателя или исследователя, работающего и живущего в данной культуре» [3, с. 8–9]. Например, в Прикамье места, где «живет» чужь и ее образы, передаются не столько из поколения в поколение, а имеют своеобразный

«генетический», вневременной, внеэтнический, «всюдный» субстрат, заполняющий некие «пустоты» в «пермском» сознании человека, а следом и в его восприятии пространства.

Современная «пермская» культура в широком смысле наполняется, напитывается и обогащается целой системой исторических, культурологических, географических, литературных, музыкальных и даже геологических (!) образов, и во всем заметна очевидная потребность пермского обывателя и туриста «иметь» в своем распоряжении эту сложную, многослойную, с нечеткими границами когнитивную сферу, даже если она во многом остается «непознаваемой». «Любая культура самоопределяется, идентифицирует себя посредством рядов или серий различных образов» [3, с. 16]. Очевидно, что сегодня в период потери традиционных культурных смыслов, меняющейся социально-экономической ситуации человек вынужденно ищет опору в древних образах, в самих «истоках» возникновения Прикамья и в этом видит возможность психологического и познавательного гомеостаза.

Д.Н. Замятин отмечает, что произведения литературы и искусства являются одним из наиболее благоприятных «полигонов» для изучения феноменологии географических образов [3, с. 17]. Именно на «соприкоснуться» с образами и едут сегодня туристы. «Фиксируемые на феноменологическом уровне представления о фундаментальных географических образах являются критерием уникальности культуры» [3, с. 18]. И в нашем случае всего уникального, образного «пермского».

Вся система разнообразных пермских образов, мифов, легенд «во многом базируется именно на географическом воображении, причем процесс разработки, оформления локального мифа представляет собой, по всей видимости, «полусознательную» или «полубессознательную» когнитивную «вытяжку» из определенных географических образов, являющихся неким «пластом бессознательного» для данной территории или места» [2, с. 133].

В сознании и пространственном восприятии человека формируется «внутренняя география пространства, в которой сами образы, символы, мифы пространства конструируются, размещаются, соотносятся в метапространстве, создавая все новые и новые метапространственные конфигурации» [2, с. 136].

В полиэтнической и многовековой истории, эволюции культур в Прикамье сегодня мы имеем чрезвычайно сложную, разветвленную и, главное, продолжающую развиваться образно-географическую систему [5]. Более того, эта пермская система «образов» и «смыслов» более чем готова для восприятия туристами и гостями края. «По мере развития культуры в процессе человеческой деятельности географическое пространство все в большей степени осознается как система (системы) образов» [3, с. 384]. Можно сказать, что эта система сама по себе имеет статус отдельного, особого и универсального турресурса, готового к «употреблению».

«Первоначально, – пишет Д.Н. Замятин, – формируются простые, примитивные географические образы, «привязанные» к прикладным аспектам деятельности человека...» [3]. Здесь наиболее уместным является пример «слияния» хтонического эпоса коренных народов Прикамья с восприятием уральских горнорабочих и рождением уникального литературного опуса – «Сказов» Павла Бажова.

С точки зрения географических образов можно говорить о существовании в разрезе нескольких культур и достаточно длительном периоде времени своеобразной «пермской цивилизации», которая создала и транслирует в информационное поле своеобразные образно-географические пространства, которые можно попытаться отобразить на карте и создать карту образно-географического рельефа Прикамья. Тогда, увидев все образы в виде картографической модели, можно говорить о разработке перспективных географических образов: не только отдельных объектов, но и целых, весьма обширных территорий Прикамья, «относительная высота» которых будет определяться количеством общеизвестных мифов и легенд, в итоге ассоциируемых с конкретным муниципалитетом.

Для Прикамья характерна одна особенность, которую нужно обязательно пояснить. Большинство туристов сначала прибывают в краевой центр и лишь затем весьма ограниченным числом способов отправляются в путешествие по Пермскому краю. Здесь усматривается взаимосвязь географических образов, возникающих у человека, с созерцанием пространства и движением (перемещением) в процессе путешествия. Именно перемещение в пространстве обуславливает смену зрительных образов и окружающих ландшафтов, которые затем формируют географические образы пространства в сознании человека. Безусловно, они могут носить весьма вариативный и субъективно-индивидуальный характер, не всегда отражающий реальную географическую действительность, но именно этот «вернисаж» образов должен вызывать повышенный интерес и внимание. Поскольку краевой центр находится почти в центре региона, то наблюдается максимальная концентрация

туристских ресурсов, инфраструктуры и «образно-смысловых» конструкций. На определенном удалении от краевого центра путешественника, лишенного сотовой связи, Интернета, недостаточной инфраструктуры сервиса и гостеприимства, «поджидают» мифы, легенды и эпос коренных народов так, если бы он оказался в стране пермских сказок.

Образно-географическое пространство в восприятии у населения Прикамья оказывается весьма не однородным и даже прерывистым, достигая местами уровня своеобразной «нигилистической пустоты», и это связано не с уровнем образования и знакомством с конкретной территорией (муниципалитетом) Прикамья. Всех «носителей» географических образов относительно Прикамья можно попытаться разделить на два, крайне противоположных, типа. С одной стороны, будут находиться обыватели, скажем, никогда не выезжавшие за пределы города Перми и знающие другие населенные пункты и территории Прикамья через СМИ, отзывы знакомых и рассказы посторонних. Естественно, в эти субъективные «пространственные модели» будут сразу вплестаться легенды, сказки, слухи и откровенные байки. В случае возможного путешествия в эти территории у такого индивидуума может формироваться весьма сложный процесс восприятия реального пространства, вплоть до «конфликтности» образов в определенных участках территории. Возможно, даже сознание «в некоторых разделах» останется в «более удобных» формах, нежели окажется в действительности. С противоположной стороны специалисты (историки, археологи, географы, краеведы), экспедиционным методом «познавшие» даже самые удаленные уголки «пермского пространства», четко соотнеся историко-географические исследования и артефакты с реальной действительностью. Но и в этом случае ожидается парадоксальный вывод. Специалистам отнюдь не чужды мифы и легенды, наполняющие их мыслительные географические образы пространства там, где отсутствуют или весьма скудны научные факты. Не находя необходимых для доказательства летописных источников и археологических артефактов, они видят в подобного рода образах и «обывательских» представлениях основу для построения научных гипотез и возможные научные поиски тех или иных исторических событий.

Весьма показательной здесь является ситуация с легендарной скандинавской Биармией в попытках найти ее в северных территориях Пермского края. Был проведен опрос нескольких отечественных и региональных историков и археологов по феномену Биармии. Звучал он следующим образом: «Какие именно доказательства, артефакты и свидетельства смогут стать для вас достаточным доказательством существования Биармии на конкретной территории?». Если изменить вопрос, то он может звучать так: «Как именно вы представляете Биармию, если бы она была в прошлом объективной реальностью?». Все без исключения специалисты, прекрасно знакомые с диалектикой научного познания, предложили образы, весьма отдаленные от возможной действительности, и они граничили скорее с мифами и легендами, являющимися достоянием обывателей!

Следует понимать, что образность восприятия пространства и «наполнения» сознания как пермяков, так и гостей Прикамья разного рода мифами и легендами не связана только с передачей из поколения в поколение баек и народного фольклора. Среди историков и материалистов в «официальной» литературе появляется информация мистического толка, при этом переданная от первых лиц, которые определили это на себе *эмпирически*. Например, одним из ведущих краеведов по истории Северного Прикамья является Г.А. Бординских, автор многих научных, учебных и научно-популярных изданий. В его книге «Пермь Великая – Terra Incognita» в главе «Клад Анфала Никитина» речь идет о месте, недалеко от г. Чердыни, которое Г.А. Бординских считает легендарным городом Анфалом: «Само место пользуется дурной славой у местных жителей, и они предпочитают обходить его стороной. Как они утверждают, здесь *блзнит*, чудится. В том, что это так и что здесь есть какие-то аномалии, мы убедились на собственном опыте, когда остались ночевать на мысу» [1, с. 94]. Интересно, что старо-русское слово «блзнить» остается в ходу на территории всего Прикамья, но в основном употребляется в сельской местности и имеет даже устойчивую географию от севера и северо-запад, на юго-восток, в сторону Кунгурского района и Предуралья вообще. И связывают это слово обычно не с близким «блажить» (т.е. поступать своенравно, дурить), а со словом «чудить».

Практически все современные жители Прикамья знают об «обрядях» задабривания «дедушки Лешего» или о необходимости договариваться с «чудью», которая до сих пор живет в пермских лесах. Попытка высмеять эту тему в глазах местного населения вызывает недоумение и разочарование в поведении туриста или гостя. Даже сегодня, уже в XXI в., жители Прикамья периодически соприкасаются в своих пространственных перемещениях даже не с реально существующим явлением, имеющим под собой материальную основу, а скорее с необходимостью

«заполнения» некоторой области своего пространственного восприятия сознания загадочными силами и даже целым народом, не только тайно живущим по соседству, но и определяющим бытие, или его какую-то часть.

Турист в процессе путешествия познает окружающее его пространство не целиком, не «враз» в пределах достаточно обширной территории, например, муниципалитета, а вдоль своеобразных транспортных «коридоров»: железной дороги, автодороги, реки, и лишь низко летящий самолет (вертолет, воздушный шар) может несколько расширить когнитивный «обзор», но под определенным углом. В последнем случае увеличивается обзорность, но пропадает «осязаемость» ландшафтов.

В практике путешествия Прикамье познается лишь там и в таких «объемах», которые позволяют туристу транспортные условия. Вся же остальная территория, находящаяся за пределами обзора, домысливается и становится достоянием лишь субъективно «достроенных» географических образов, т.е. что там, за этим лесом, горизонтом, есть только то, что нам обещает карта, путеводитель или экскурсовод. Поэтому в карте образно-географического рельефа (рис. 1) совокупность пространственно-географических образов и легенд в пределах одного муниципалитета может изображаться однотонной цветовой гаммой.

Предлагается особая когнитивная образно-географическая концепция: Прикамье, как туристский регион, с точки зрения ограниченных образов, «вытянутых», «длительных» в хронологическом плане вдоль трансферов, превращается в своеобразный и строго определенный «когнитивный скелет», состоящий из туристских центров, отдельных объектов показа и соединяющих их туристских путей, в основном автодорог и фрагментов водных маршрутов, которые предлагается считать «коридорами» или «тоннелями» восприятия.

Человек, путешествующий с туристскими и познавательными целями, может пользоваться для этого различными маршрутами и видами транспорта (автомобиль, автобус, плавсредство, поезд, самолет, вертолет и т.д.) и перемещаться пешком. Каждый способ передвижения накладывает разного рода ограничения на систему восприятия человека.

Во всех случаях, независимо от выбранного маршрута и стиля передвижения, из пункта А в пункт Б, путешественник формирует свои внутренние пространственные образы исходя из весьма ограниченного восприятия окружающего пространства (вперед, влево, вправо, по ходу движения). От этих ограничений у путешественника необязательно будет формироваться мнение о полном отсутствии пространства и времени, равно как и их исторической динамики. Однако домысливаться неосознанное пространство будет субъективно индивидуально. В пределах самого когнитивного коридора можно усилить восприятие через специальный показ и позиционирование нужных тематических образов так, если бы все легенды, мифы и образы территории, через которую пролегает трансфер, были «сконцентрированы» на экскурсионном маршруте.

Таким образом, когнитивные «коридоры» или «тоннели», совпадающие в Прикамье с основными туристскими маршрутами по автодорогам, водным артериям железнодорожным линиям, должны стать важнейшими оптимизационными направлениями в развитии туризма. Это путь к эффективному использованию финансовых средств, заложенных в программу по развитию туризма. Турист должен видеть только те образы, которые будут «работать» на общую туристскую концепцию и имидж конкретной территории (муниципалитета). В качестве таких «коридоров» («тоннелей») будут использоваться лишь *фрагменты* авто- и ж/д дорог и участки рек, где окружающие ландшафты, соединяющие турцентры и дестинации, в совокупности «обязанные» создавать необходимые гостям образы. Они должны быть оптимизированы и приведены в тематическое соответствие. Все остальные участки транспортной сети Прикамья, не используемые туристами (рекреантами), могут оставаться вне этих оптимизационных работ.

Используя картографический метод и традиционную для отображения рельефа цветовую гамму, изобразим образно-географическое восприятие пространства Пермского края туристами и гостями в виде **карты образно-географического рельефа Прикамья** (рис. 1).

Представим территорию Прикамья в виде особого трехмерного (объемного) ландшафта – рельефа пространственно-географических образов, созданного метасистемами мыслительных конструкций, порождаемых сознанием человека, перемещающимся в пространстве и ищущим познавательную «опору» в историческом, геокультурном и туристском потенциале территории.

Рельеф пространственно-географических образов Пермского края, как очерченного в своих границах пространственно-смыслового кластера, будет серьезно отличаться от общепринятого понимания рельефа с его относительными и абсолютными высотами, хотя смысловая логика останется прежней.

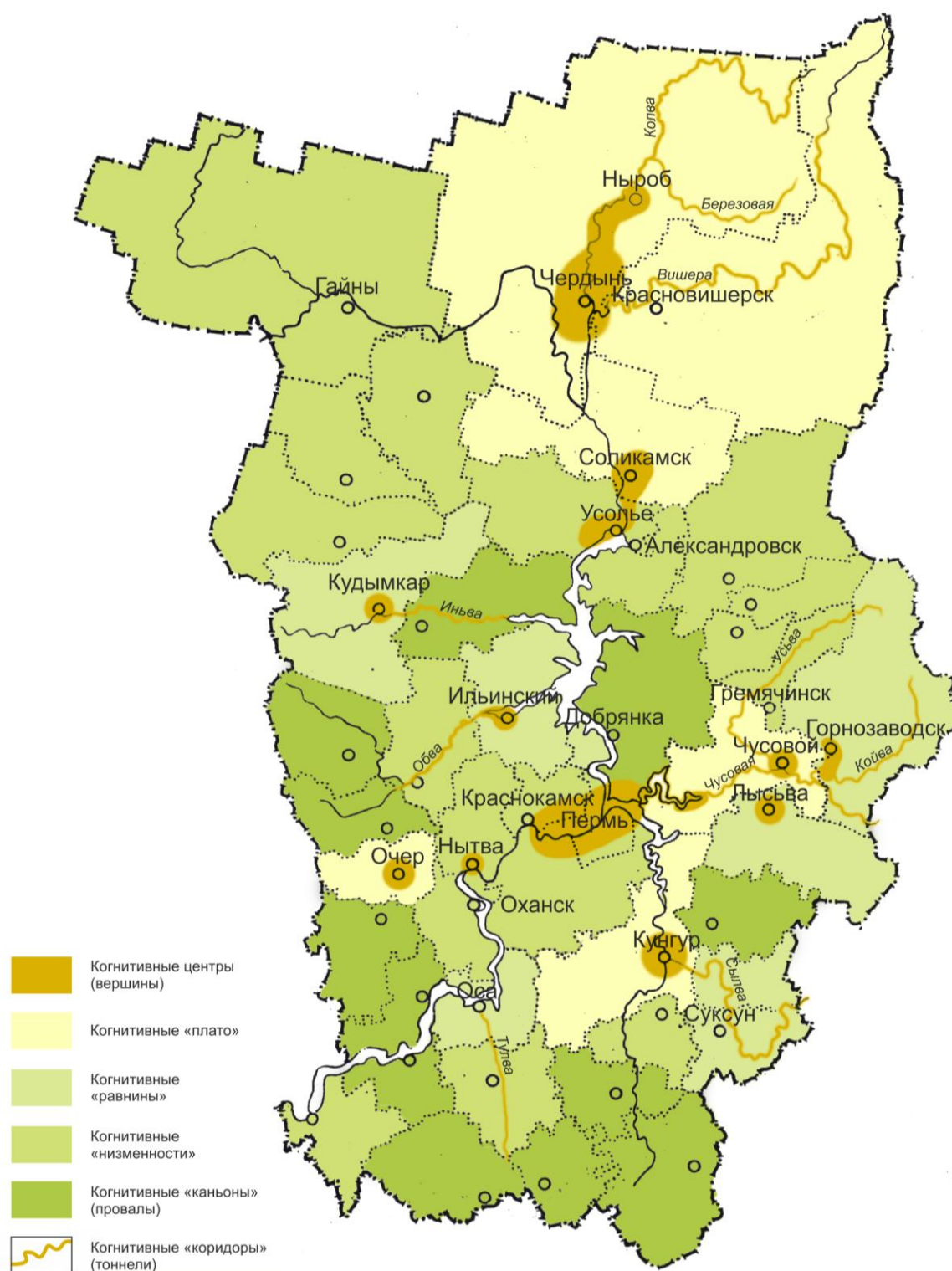

Рис. 1. Образно-географический «рельеф» территорий Пермского края (туристический аспект)

В карте образно-географического рельефа будут такие же формы: хребты, вершины, плоскогорья, водоразделы, низменности и т.п., созданные не формами земной поверхности, а группами пространственных образов и легенд. Несомненно, будут и «белые пятна», осмысление которых через создание новых образов и их продвижения, может дать путешественнику новые открытия или повод для непосещения отдельных территорий.

Если воспринимать череду пространственно географических образов как некий численный набор (сумму) высот, тогда Прикамье предстанет регионом с совершенно иным рельефом, вполне допустимо можно будет называть его «культурным» (образно-географическим рельефом или рельефом культурного ландшафта). Историко-культурные центры станут «вершинами»: Чердынь, Соликамск, Пермь, Кунгур; чуть ниже будут Очер, Усолье, Оса. Сохранятся основные водные потоки, обретя статус связующих «нитей» между вершинами: Кама, Чусовая, Сытва, Колва, Вишера, Иньва и т.д. Недостаточно известная у туристов и обывателей территория северо-западного Прикамья (бывший Коми-Пермяцкий автономный округ – далее КПАО) превратится в своеобразное когнитивное плато, сложенное будто геологическими слоями, финно-угорским эпосом и культурой, с «месторождениями» пермского звериного стиля. По южной границе Кудымкарского и Карагайского, а также юго-восточной границе Юсьвенского района «плато» будет плавно снижаться, переходя в «равнинный участок», однако уже Сивинский муниципалитет будет южнее заканчиваться «низменностью» Верещагинского района. Правда, в Очерском районе вновь появляется «столовая» гора (возвышенность с плоской вершиной) с неровными краями, вновь «обрывающаяся» в низины Оханского, Краснокамского и Частинского районов, а по левому берегу Камы им будут соответствовать Еловский и Чайковские районы и только Осинский здесь будет по «культурному рельефу» соответствовать Очерскому.

Южное Прикамье в основном будет представлено образно-географической низиной Куединского, Чернушинского, Октябрьского районов, а находящиеся к северу Бардымский и Ординский районы будут по «геокультурным высотам» ближе к равнинам. Примерно такой же рельеф будет иметь и Пермский район.

Восточное Прикамье со своим горнозаводским прошлым и настоящим действительно будет совпадать с реальным рельефом и ландшафтами Предуралья, то тут, то там образуя передовые складки древних, сильно разрушенных Уральских гор, перемежающиеся котловинами и отдельными останцами. Например, культурный образ Красновишерского района, как и в случае с КПАО, предстанет нам в виде «плоскогорья» вогульского эпоса.

Город Пермь в образно-географическом рельефе выступает самой высокой и основательной вершиной, «заметной» из любой точки Прикамья. Посоперничать с этим когнитивным «столпом» могла бы только «вершина» Чердыни. Но поскольку большинство гостей и жителей Прикамья начинает знакомство с краем изначально со встречи с современным краевым центром, в котором в силу объективных культурно-исторических причин наблюдается целый комплекс взаимопроникающих друг в друга образов, «смыслов», «мифов» и «легенд», Чердынь сравнивать по «высоте» несколько некорректно.

Анализ карты образно-географического рельефа территорий Пермского края позволяет сделать следующие перспективные выводы:

1. Представленный образно-географический «рельеф» не является окончательным и его следует рассматривать скорее как концепцию, требующую обсуждения.

2. Присвоенный каждому району «уровень» в данном случае считается не от «уровня моря», а от существующих в действительности мировых и общепринятых в современной геокультуре образов турресурсов и базовых турмаршрутов. Например, Египет – Нил и пирамиды, Франция – Париж и Елисейские поля, Эйфелева башня, Англия – Биг Бен, Красный Омнибус, Шерлок Холмс и Доктор Ватсон. Интересно, что литературные герои, даже не имевшие под собой реальных прототипов, стали своеобразной визитной карточкой Великобритании настолько, что более половины британцев уже не сомневаются в реальности их существования в историческом прошлом.

3. Представленная карта может стать основой для новых, более подробных, систем районирования, которые, возможно, будут нарушать установленные административные границы районов и позволять более эффективно вкладывать средства в развитие туризма.

4. Перспективной идеей, требующей дальнейшей разработки и исследования, является концепция когнитивных «коридоров» или «тоннелей», которые могут образовывать непрерывную «сетку», «скелет», объединяющую явно выделенные когнитивные вершины.

5. Представленная карта может стать основой для разработки перспективных путеводителей, в основе которых будет не география места и связанные с ними культурно-исторические события, а именно география образов края, порождающая основные туристские мотивы.

6. Необходимо управлять территориальной системой географических образов, не позволяя пермским «образам» и «смыслам» развиваться самостоятельно, иначе можно «потерять» в лице гостей и туристов привлекательный образ Прикамья. И, наоборот, можно сформировать

конкурентоспособную образную модель всего Прикамья в целях перспективного развития въездного туризма.

7. Карта образно-географического рельефа не предназначена для «химеризации» пространства, не отражает «ложные» культурные ландшафты Прикамья и не создает у туристов образы, не имеющие под собой объективную историко-культурную информацию. Отнюдь предлагается, учитывая объективный культурно-исторический базис и легитимную информацию, создать у каждой территории (значит, и у Прикамья в целом) участки автодорог, идущих к туристским центрам, и этапы водных маршрутов, привлекательные, позитивные, главное, мотивирующие к путешествию туристские образы, в меру «сдобренные» анимацией и новыми арт-объектами.

Библиографический список

1. *Бординских Г.А.* Пермь Великая – Terra Incognita: рассказы по истории. СПб.: Маматов, 2014. 184 с.
2. *Замятин Д.Н.* Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // Общественные науки и современность. 2010. № 4. С. 126–138.
3. *Замятин Д.Н.* Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
4. *Уваров М.С.* Научно-аналитический обзор источников по теме «Культурная география». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 35 с.
5. *Ширинкин П.С.* Книга легенд. Туристские легенды Пермского края. Пермь: Пресстайм, 2015. 403 с.

References

1. Bordinskih, G.A. (2014), “*Perm Velikaya – Terra Incognita: rasskazy po istorii*” [the Great Perm – Terra Incognita: stories of history], Mamatov, St. Petersburg, Russia.
2. Zamyatin, D.N. (2010), “Humanitarian geography: a subject of study and the main directions of development”, *Obshchestvennye nauki i sovremennost`* [Public Sciences and modernity] no. 4, Nauka, Moscow, Russia, pp. 126–138.
3. Zamyatin, D.N. (2006), “*Kul`tura i prostranstvo. Modelirovanie geograficheskikh obrazov*” [Culture and space. Modeling geographic images], Znak, Moscow, Russia.
4. Uvarov, M.S. “*Nauchno-analiticheskiy obzor istochnikov po teme ‘Kul`turnaya geografiya*” [Scientific-analytical review of the literature on the subject “Cultural geography”], Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.
5. Shirinkin P.C. (2015) “*Kniga legend. Turistskie legendy Permskogo kraia*” [The Book of legends. Tourist legends of the Perm region] Prestim, Perm, Russia.

Поступила в редакцию 01.06.2016

Сведения об авторе

Ширинкин Павел Сергеевич

кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-культурных технологий и туризма Пермского государственного института культуры; Россия, 614000, Пермь, ул. Газеты «Звезда», 18; e-mail: ethnic1@yandex.ru

About the author

Pavel S. Shirinkin

Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Socio-Cultural Technology and Tourism, Perm State Institute of Culture; 18, Gazety Zvezda st., Perm, 614000, Russia; e-mail: ethnic1@yandex.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Ширинкин П.С. Концепция образно-географического рельефа (на примере Пермского края) // Географический вестник = Geographical bulletin. 2016. №4(39). С. 13–20. doi 10.17072/2079-7877-2016-4-13-20

Please cite this article in English as:

Shirinkin P.S. The concept of imagery and geographical relief (a case study of Perm krai) // Geographical bulletin. 2016. № 4(39). P. 13–20. doi 10.17072/2079-7877-2016-4-13-20